

- Это атриум*, - говорит Робин, заводя Эмму в помещение, похожее на внутренний двор. - Здесь Аурус и проводит свои пиры.

Он останавливается возле входа и велит Эмме быть рядом. Но той и не требуется куда-то уходить. Она, силой отбросив напряжение, с любопытством осматривается, отмечая гладиаторов и рабов, выстроившихся ровными линиями вдоль стен и между колонн. На рабах - туники без рукавов, гладиаторы, как и она сама, одеты лишь в сублигакулюмы, плечи и грудь некоторых блестят, будто смазанные жиром или маслом. Возле дальней стены стоит Регина, она единственная, у кого туника опускается ниже колен и закрывает плечи. Эмма поспешно отводит взгляд, не желая, чтобы Регина выявила ее интерес, и с преувеличенным любопытством продолжает разглядывать помещение.

Оно большое и ярко освещено многочисленными масляными светильниками, расставленными по углам и на низеньких столах, рядом с которыми виднеется нечто вроде скамеек: по три штуки возле каждого. На этих скамейках постелены темно-красные покрывала, придавленные длинными округлыми валиками. В доме Эммы таких валиков никогда не водилось, но она знает, что у Бьорна, соседа, была парочка привезенных из-за моря. Он провел в путешествиях полжизни и всегда говорил, что теперь не может без них заснуть.

- Это триклинии, - шепчет Робин, явно видя ее интерес к скамьям. - Когда гости придут, они улягутся на них и будут есть.

Эмма кивает, хотя ей непонятно, как можно есть лежа. Это ведь неудобно.

Она задирает голову и видит множество небольших окон под самой крышей. Интересно, они открываются?

- Еле успели, - вдруг быстро шепчет Робин, и Эмма вздрагивает, когда в атриум входят Кора и Ласерта. Обе одеты гораздо более пышно, чем в прошлый раз, когда Эмма их видела, и волосы у них другого цвета. От отца Эмма знает, что на юге женщины сооружают себе прически из чужих волос или других подручных материалов, но не может понять, зачем. Для красоты? Странная красота. Эмма довольна своими волосами, и не думает, что ей когда-нибудь потребуется что-то с ними делать. Сегодня она заплела их в косу, как всегда поступала дома перед тем, как приняться за тяжелую работу. Вряд ли будет легче.

Кора проходит в центр атриума и сразу опускается на одно из лож. К ней подскакивает смуглый раб и услужливо принимается обмахивать ее несколькими разноцветными перьями, прикрепленными к длинной палке. Эмма впервые видит такие интересные перья и думает, что спросит потом у Робина, чьи они.

Из левого дальнего угла доносятся странные мелодичные звуки. Эмма никогда не слышала таких. Она приглядывается и видит молодого юношу, держащего в руках непонятную штуку типа распорок, между которыми натянуты короткие тетивы*. Юноша проводит по ним пальцам и извлекает звуки. Эмме они нравятся. Какое-то время она прислушивается, потом отворачивается и принимается смотреть на тех, кто продолжает приходить в атриум.

Ласерта, успевшая присесть рядом с матерью, встает и приветствует приблизившегося Ауруса. Эмма видит, как римлянка, подойдя к отцу, целует его: сначала в правую щеку, затем в левую. Это изумляет ее. Зачем? И она спрашивает об этом у Робина. Тот тихонько смеется, стараясь, чтобы никто не заметил, и не менее тихонько говорит:

- В последнее время она злоупотребляла неразбавленным вином, утверждая, что так ей больше нравится. Это не приветствуется в знатных кругах, Аурус мог лишиться своего положения из-за привычек дочери. Так что он повелел ей целовать* себя, чтобы по запаху определять, пила она сегодня или нет.

Для Эммы это дико. У нее дома такого обычая не было и никогда не будет. Отец позволял и матери, и детям пить вино, если им хотелось. Это не считалось зазорным, напротив, зимой было очень хорошо греться крепкой медовухой, когда медвежьих шкур и пылающего очага становилось недостаточно. В деревне был только один дурачок, который грелся и зимой, и летом. Над ним смеялись, но добродушно. Хорошая еда, доброе питье – что в том может быть плохого?

Эмма следит за тем, как Ласерта, сохраняя на лице безразличную гримасу, отходит к своему ложу и опускается на него, принимая расслабленную позу. Ближайший гладиатор тут же подбегает к ней, опускается на правое колено и протягивает чашу, заполненную виноградом. Эмма уже знает, что такое виноград, и ей нетрудно узнать его, узнает она также и яблоки, а вот другие фрукты ей незнакомы. Ласерта отрывает себе пару виноградин и кидает в рот. Скользит ленивым взглядом по атриуму и в какой-то момент смотрит прямо на Эмму. Эмма вздрагивает, но не отворачивается, напрочь забывая наказ Робина не смотреть ни на кого. Ласерта ядовито улыбается ей, щуря густо подведенные краской глаза. А потом манит ее к себе.

Эмма медлит, не зная, как поступить, и Робин подталкивает ее.

- Иди, – тихо велит он. – Ты не можешь послушаться.

Эмма может. По сути, она может все, что угодно. Но она помнит слова Ауруса, а потому подходит к Ласерте и замирает в ожидании. Кора смотрит на них сквозь полуопущенные веки.

- Наклонись, – ласково приказывает Ласерта, и Эмма слушается.

- Ниже, – еще более ласково говорит Ласерта, и Эмма вынуждена повиноваться. Она не знает, чего ждать, но точно не готова к хлесткой пощечине, которая обжигает ей левую щеку. Эмма вздрагивает и зажмуривается, прикусывая от неожиданности язык.

- Никогда больше не смотри на меня так дерзко! – слышит она визгливый крик Ласерты. – Ты понимаешь меня, варварка?!

Эмма понимает. У нее горит щека, и это добавляет понимания. Она больше никогда не

забудется. Никогда не решит, что ей можно смотреть в глаза Ласерты. Или кого-то еще.

Кора одобрительно кивает дочери, не говоря ни слова. Аурус занят и не следит за тем, что происходит за его спиной.

Ласерта отпускает ее, и, возвращаясь на свое место, Эмма ненароком кидает взгляд на Регину. Та абсолютно невозмутима. Наверное, привыкла и не к такому. Когда Эмма встает на свое место возле Робина, она понимает, что никому нет дела до только что разыгравшейся на их глазах сцене. Это позволяет ей испытывать не столь сильный стыд за свою беспомощность.

Начинают прибывать гости. Один из рабов раз за разом выкрикивает новые имена, и Эмма не пытается их запоминать. Лишь один гость привлекает ее внимание.

- Публий Эмилий Сулла и его супруга, Лупа*! - выкрикивает он, и в атриуме появляется дородный мужчина в возрасте. У него чем-то недовольное лицо и колючие глаза, которыми он быстро обегает помещение. На какое-то время его взгляд останавливается на Эмме. Эмма быстро принимается смотреть себе под ноги. Она запомнила урок Ласерты. Когда она робко поднимает глаза вновь, Сулла уже не глядит на нее, зато его супруга, Лупа, ловит взгляд Эммы и цепляется за него. Ее волосы выкрашены темно-красным, а может быть, это и не ее волосы вовсе. Чуть удлиненное лицо с тяжеловатой нижней челюстью и большим ртом выглядит хищно. Она жадно разглядывает Эмму, и Эмма не знает, куда деться от этого внимания, которое ей неприятно. На нее смотрит всякий, кто заходит в атриум - как минимум, потому, что она стоит возле самого входа. Кто-то отворачивается почти сразу, кто-то продолжает рассматривать, и эти взгляды будто живые. От них подводит живот и болит спина. Эмма старается стоять ровно и не думать о том, сколько еще времени ей придется провести здесь. В одном из углов она замечает клепсидру. Может быть, она сумеет ориентироваться по ней?

Аурус подбегает к Сулле и ведет его и Лупу за собой, усаживая их на места рядом со своими. Он выглядит суетливо и постоянно улыбается.

- Сулла - главный гость Ауруса, - одними губами произносит Робин, когда появляется возможность переброситься парой слов. - Он обычно ссужает Аурусу деньги, чтобы потом забрать в три раза больше за победы гладиаторов.

Эмма кивает.

- Сулла богат?

- Это деньги его жены. Он полностью разорился на одной из последних войн, и пришлось спешно жениться. А за Лупу как раз давали большое наследство.

Эмма снова кивает. Пусть так.

В какой-то момент все триклинии в атриуме заняты, гости переговариваются в предвкушении вкусных кушаний, и рот Эммы наполняется слюной, когда вносят первые блюда. На подносах в руках рабов стоят маленькие фигурки зверей, выполненные из бронзы, и к их бокам приделаны небольшие корзины, наполненные зелеными и черными ягодами. Эмма предполагает, что это виноград. Аурус, а за ним и все остальные омывают руки в специальных чашах, услужливо поднесенных рабами. Эмма видит, что и Регина тоже обслуживает пир, и усмехается: не так уж высоко она поднялась, раз сейчас не может воспользоваться своим положением. Почему-то это больше печалит, чем радует.

– Сейчас они пьют мультсум – это вино, смешанное с водой и медом, – негромко рассказывает Робин, пользуясь тем, что никто не обращает внимания на гладиаторов. – Считается, что такой напиток промывает внутренности перед едой.

Эмма не понимает, зачем что-то промывать, но не переспрашивает. Чужая страна – чужие правила.

Гостям предлагают яйца и кушанья, Эмме неизвестные. Она жадно вдыхает запахи и продолжает глотать слюну, потому что от обилия вкусных ароматов кружится голова. Эмма не думала, что голодна, пока не ощутила все это великолепие. В их деревне тоже часто устраивались пирушки, но Эмме никогда не приходилось стоять возле стены и смотреть, как едят и пьют другие. Все были равны, все ели столько, сколько хотели.

Кушанья все вносят и вносят. Эмма видит разнообразное мясо, видит рыбу, видит дичь и что-то, похожее на морские раковины, из которых гости вытаскивают нечто трясущееся. Может быть, оно еще живо? Косточки, кожа и прочие объедки кидаются прямо на пол, рабы ловко обходят их, умудряясь не поскользнуться. Юноша в углу продолжает теревить свои распорки с тетивами – Эмма вдруг припоминает, что это называется «струны». У Бьорна-соседа было нечто подобное, но он никогда на нем не играл.

Остро пахнет свежим, горячим хлебом. Желудок бунтует: несмотря на то, что говорил Робин о трехразовом питании, Эмме не удалось сегодня поесть вдоволь. Она довольствуется собственной слюной и гадает, можно ли за что-нибудь ухватиться при падении.

Ужин продолжается. Аурус о чем-то настойчиво переговаривается с Суллой, который все еще кривит рот и выглядит недовольным, Кора, Ласерта и Лупа обсуждают что-то свое, другие гости заняты набиванием животов. В какой-то момент Эмма слышит булькающие звуки и, повернув голову, видит, как Регина придерживает большую чашу возле лица какого-то старика, а тот извергает из себя все съеденное до того. При этом старик не выглядит перепившим или безумным, что могло бы объяснить его поведение. Кто-то смотрит на него с жалостью, кто-то – с презрением, но все продолжают есть, пить и разговаривать.

– Почему его рвет? – спрашивает Эмма у Робина.

– Он освобождает свой желудок, чтобы снова съесть такую же порцию, как до этого.

Эмме дико такое слышать. Она не смотрит на Робина, но тот, очевидно, понимает ее изумление.

- Это старая традиция. Сейчас ее не поддерживают, но для стариков делают исключения. Другого бы уже обсмеяли.

Старик вытирает рот влажной тряпицей, отдает ее Регине и слабо машет ближайшему рабу. Тот покорно заваливает блюдо старика новой порцией мяса, рыбы и прочих яств.

«О, Один, - с отвращением думает Эмма, - если бы только ты видел подобное... В твоём царстве только достойные могут вкушать самые лучшие кушанья, только воины сидят за твоим столом и пируют до скончания веков. А здесь беспомощные старики едят и не могут насытиться, и не будет, конечно, им славной смерти на поле брани!»

Эмма вздрагивает, когда Робин вдруг толкает ее в бок.

- Ступай к Аурусу, - бормочет он сквозь стиснутые зубы. - Он только что сделал знак, что хочет, чтобы ты подошла.

Эмма отчетливо помнит, как того же самого хотела Ласерта, и заранее готовится. Но Аурус выглядит добродушно, когда говорит Сулле:

- Это есть мой новый гладиатор, Эмма. Я привез ее с земель, покрытых вечными снегами. Скоро она проведет свой первый бой. Сколько денег ты поставишь на ее победу?

Эмма стоит перед знатным пресыщенным римлянином и смотрит вверх его головы, боясь поймать взгляд и быть за это наказанной. Сулла внушает ей подспудное опасение. Он кажется грузным и капризным, но Эмма знает, что за всем этим могут скрываться совершенно другие качества. Некоторые люди могут легко притворяться полной противоположностью себя, чтобы вовремя наносить удары.

Сулла что-то отвечает Аурусу на римском языке, и тот смеется, запрокинув голову. Его волосы, выглядящие довольно неряшливо, подрагивают в такт смеху. Эмма не понимает и ждет, когда ей дадут новое указание.

- Пройдись мимо гостей, Эмма, - велит Аурус, отсмеявшись. - Разнеси десерт. Двигайся. Сулла хочет видеть тебя в движении.

Эмма растерянно оглядывается, не зная, где взять упомянутый десерт, но ее выручает Регина. Она сует ей в руки большой поднос с блюдом, на котором горкой уложены кусочки какого-то сладко пахнущего кушанья. Эмме чудится, что она различает аромат меда. Живот снова болезненно скручивается. Невовремя вспоминается о раненой ноге, и Эмма кидает на нее быстрый взгляд. Робин снял повязку, рана затянулась, но выглядит все еще уродливо.

Потребуется время, чтобы на коже остался только неровный шрам.

– Иди же, рабыня, – слышится яростное шипение от Регины, и Эмма, вздрогнув, принимается обходить гостей, неуклюже предлагая им лакомство. Кто-то берет, кто-то даже не смотрит, кто-то нюхает и кладет обратно – и никто, никто не говорит Эмме ни слова, ни полслова. Ее не существует. Она – на какое-то время оживший предмет мебели. Еще не гладиатор, уже несвободна.

Проходя мимо очередного триклиния, Эмма слышит, склонившись:

– Говорят, Завоеватель выслал Цезарю голову коринфского наместника.

– Только голову? Я слышал, что и гениталии тоже.

Римляне многозначительно умолкают, и Эмма, лишь отойдя от них, вдруг осознает, что они говорили на ее языке. Почему?

Поднос все еще полон, когда Эмма возвращает его Регине и искренне говорит:

– Спасибо.

Регина не удостаивает ее ни единым взглядом, но это Эмму уже не так расстраивает и злит. Теперь она знает, что высокомерная женщина – такая же рабыня, как и все остальные, когда это нужно ее хозяину.

Пир все не кончается. Кажется, блюда начали разносить по второму кругу. Омерзительного старика продолжает рвать, и Эмма старается не смотреть на него, чтобы тоже не ощутить тошноту. Рабы разливают по чашам вино, щеки гостей алеют, несмотря на слова Робина о том, что вина в чашах гораздо меньше, чем воды. В какой-то момент Аурус хлопает в ладоши, юноша в углу начинает играть какую-то более быструю мелодию, а в центр атриума выходят два гладиатора из тех, что вместе со всеми смирно стояли возле стены.

– Что они будут делать? – удивленно спрашивает Эмма у Робина. Тот не отвечает, а Аурус снова хлопает в ладоши, и гладиаторы тут же бросаются друг к другу, обхватывают руками намащенные тела и пытаются опрокинуть противника. Гости подбадривают их выкриками и свистом. Эмма понимает, что это – мягкая демонстрация того, что происходит на арене. Тут нет оружия и, наверное, они будут сражаться не до смерти. Она надеется на это.

Гладиаторы сплетаются, будто любовники, в тесном объятии. Их мускулы напряжены, вены вздуты, пальцы скользят по блестящей коже. У одного чуть сбивается набедренник, мужская плоть показывается наружу, и Эмма, отводя взгляд, видит, как жадно смотрит на нее Кора. Поединок продолжается, но римлянке он уже явно не столь интересен. Когда полуобнаженный боец побеждает своего соперника, повалив его на пол и придавив коленом, Кора тут же делает

знак рабу, и тот бежит к триумфатору, протягивая ему чашу с вином.

- Она выбрала его себе на ночь, - слышит Эмма шепот Робина.

- Что? - недоумевает она. - На ночь? Но она ведь замужем...

Робин усмехается.

- Знатные римлянки часто выбирают себе кого-то из гладиаторов. Все знают об этом и делают вид, что ничего не происходит. Их мужья - особенно. А для самих гладиаторов это может оказаться шансом на лучшую жизнь.

Все так и есть. Победитель встает за спиной Кору, продолжая держать чашу с дарственным вином, проигравший занимает свое прежнее место у стены. Аурус ведет разговор с Суллой, и его, очевидно, совершенно не волнует, что супруга, мало стесняясь, поглаживает пальцами член молодого гладиатора, который никто не велел ему прикрыть.

Жарко. Эмма вдруг судорожно втягивает в себя воздух и чуть не давится им, чувствуя, что пахнет чем-то пряным и острым. Это странный, не особенно съедобный аромат, и исходит он от курилен. От него дурманит голову, Эмма старается поменьше его вдыхать, но получается плохо. Гости же и вовсе наслаждаются им, запрокинув головы. Что-то он творит с разумом, потому что Эмма, наблюдающая за тем, как Регина бродит между знати с чашей винограда, ошарашенно видит, как Лупа, хохоча, запускает руку под тунику Регины и шарит там, шарит, словно пытается что-то найти. Все это происходит на виду у всех, но никто не вскакивает в гнев, не призывает к приличиям. Даже Сулла безразличен. Ласерта заливается истеричным смехом. Кора занята своим гладиатором, Аурус прикрыл глаза и будто бы дремлет.

<http://erolate.com/book/1136/29496>